

Алёна Яворская

«Козачинский принадлежит всем...»

Издано в Одессе

«В Одессе вышел двухтомник Александра Козачинского». Услышав эту новость, большинство, увы, спросит: «А кто такой этот Козачинский?». А меньшинство поинтересуется удивленно: «А что, кроме «Зеленого фургона» он что-то еще написал?».

Ответить на оба вопроса можно, взяв в руки книгу.

В свое время, в 1939 году, появление «Зеленого фургона» было чудом. И таким же чудом стал вышедший спустя 81 год двухтомник. Это не только тексты Козачинского, это еще и объяснение в любви прожившему всего сорок лет «автору одной повести».

Козачинский, больной туберкулезом, умер холодной зимой 1943 в Новосибирске.

Но архив его, опять же чудом, сохранился. Вначале у матери, затем у дальних родственников. И в начале нового века появилось сообщение, что архив Козачинского продается. Почему-то одесситам его продавать не хотели. Путем сложных интриг и невероятных ухищрений Михаил Пойзнер все же смог его приобрести.

А затем много лет разбирал. Ведь были в архиве этом кроме нескольких вариантов повести рукописи рассказов, неоконченные наброски, письма друзей. И фотографии, очень много фотографий – Козачинский, как и его друг Илья Ильф, был страстным фотографом. Многие фотографии помогла атрибутировать дочь Ильфа Александра Ильинична.

И, естественно, Михаил Пойзнер хотел, чтобы не только он, но и многие другие могли лучше узнать не только писателя Козачинского, но и Козачинского-человека, яркого, одаренного, ироничного. И влюбленного в Одессу.

В предисловии «Мой Козачинский» Пойзнер написал: «Одесса Козачинского сочная и живописная, наверное, еще и потому, что написана движением его души. Да и сегодня, чтобы почувствовать его Одессу, много не надо. Надо просто пройтись по нашим улицам – прислушаться, присмотреться, может, лишний раз улыбнуться незнакомому прохожему. Услышать перезвоны 5 или 28 трамваев, разноголосицу Староконного, громкую тишину Сахалинчика, разговорчики в бане на Провиантской или незаметно пристроиться к колонне курсантов какой-нибудь мореходки... чтобы услышать хотя бы «...тот неистребимый южный акцент, который позволяет безошибочно узнавать... одессита».

В первый том вошли известные произведения: «Зеленый фургон», пять рассказов о летчиках, рассказ «Фоня» и водевиль «Могучее средство» (кстати, переопубликованный Натальей Панасенко в 2003 году в № 14 «Дерибасовской – Ришельевской»). Книга щедро украшена иллюстрациями Григория Палатникова.

Второй том называется «Александр Козачинский: Жизнь и судьба. Одесса – Севериновка – Москва – Новосибирск».

Михаил Пойзнер объединил многих людей, как и он, влюбленных в Козачинского. Во втором томе статьи не только одесситов Михаила Пойзнера, Натальи Панасенко, Олега Губаря и автора этих строк, но и доцента Портлендского университета (США) Кассио де Оливейры, Лидии Мацько-Королевой из Новосибирска.

Что особенно украшает издание и что особенно ценно для любителей истории – почти все документы и рукописи воспроизведены репринтно.

Во втором томе Наталья Панасенко опубликовала материалы из дела Козачинского, опровергающие многие устоявшиеся мифы вокруг имени писателя. И уже из показаний 1922 года видно, каким писателем станет юноша, побывавший и милиционером, и бандитом:

«Месяцев 5 или 6 тому назад я, движимый желанием «придбать» себе парочку лошадок, направил стопы своя в с. Бициловку, где стоял Этапный ветеринарный лазарет 51 дивизии, предмет усиленного внимания, заботливости, фаворит наш и источник благополучия.

В древности Господь Бог послал бедным евреям манну небесную; для нас, бедных бандитов, он всеобъемлющею своею благодатью создал ветеринарный лазарет».

Во второй том вошел и не публиковавшийся ранее сценарий фильма «Первый выстрел», написанный Козачинским в 1940. Теоретически, задумывалась экранизация «Зеленого фургона», но от героев остались лишь фамилии. Полностью сохранился лишь последний вариант, где по требованию редакции «основная тема сценария – прославление стойкости, мужества, пронизательности и героизма сотрудников уголовного розыска». И тем не менее этот сценарий отражает время, пожалуй, не меньше, чем «Зеленый фургон». А рядом – блистательный текст повести о гимназистах «Гремучая ртуть». Увы, лишь наброски.

Но главное открытие второго тома – сорок страниц фотографий, сделанных Козачинским. Он удивительно умел снимать обыкновенных людей – летчиков, старых абхазцев, детей. А фотографию Ильи Ильфа на фоне сапога Сталина (на огромном панно в Москве) вполне можно назвать символом тех лет.

И еще о Козачинском и его друзьях. Шестьдесят страниц писем Козачинского к Евгению Петрову, Льву Славину, Семену Гехту, Александре Брунштейн. И пятьдесят страниц – письма к Козачинскому от Ильи Ильфа, Льва Славина, Александры Брунштейн.

Это Илья Ильф написал Козачинскому в 1932-м: «...Как Ваше здоровье? Этим интересуется полмира. Об этом, кажется, скоро будут печатать в «Известиях», в отделе «Котировка иностранной валюты». Что делается на узкой полоске земли, называемой Гаграми? Отчего бы Вам, пользуясь свободным временем, не написать:

- а) роман из жизни;
 - б) воспоминания о себе;
 - в) еще что-нибудь интересное.
- Это было бы вполне уместно...
Человечество этого ждет.
Не откладывайте. Пишите».

А Евгению Петрову Козачинский много и подробно пишет о работе над повестью, иронически замечая: «Ты заметил, что в каждом абзаце под конец я перехожу на свои литературные труды. С ужасом замечаю, что стал типичным графоманом».

Но самая трогательная переписка – с Александрой Брунштейн и ее дочерью Надеждой в самые тяжелые годы, 1942-1943.

«Дорогая Александра Васильевна, – пишет он из госпиталя, – если бы Вы увидели меня сейчас в байковом халате, из-под которого выглядывают носки и казенные тапочки, вы приняли бы меня за одного из тех рядовых бойцов, которым вы читаете по субботам отрывки из «Аси». Не нахожу слов, чтоб описать, как я доволен госпиталем. Это – царство покоя и пищи. Тут я убедился, какое значение имеет для людей пища, в том числе для членов союза советских писателей. Мне хотелось бы очень подробно описать, как я ем, жую и чавкаю, но это было бы неделикатно по отношению к бедным новосибирцам».

Он по-прежнему ироничен, даже когда пишет о страшной болезни: «К сожалению, и болезнь решила воспользоваться предоставленными мне удобствами, и, получив условия, каких она не имела в Новосибирске, основательно уложила меня в постель». «Поправляюсь, по совести говоря, неважно, и чувствую себя виноватым перед друзьями, которые любят бодрых больных, быстро выздоравливающих и оправдывающих заботы и попечения о них».

Не все письма доходят, и та же Александра, упрекающая его: «Сашичек, что же вы молчите, собака? Почему от Вас нет ни строчки, жаба? Вы свинья, Сашичек, Вы даже не ответили на мое письмо, в котором я вам вывалила целый вагон литературных сплетен», – позднее напишет ему с грустью, что многие письма – и его, и ее – пропали по дороге.

На долгие годы затерялась и могила Козачинского. Но, разбирая полустертое письмо к матери Козачинского Клавдии, Пойзнер сумел прочесть подробное описание дороги к могиле. И сумел найти неравнодушных людей в Новосибирске. Могила была восстановлена, памятник отреставрирован.

Завершает второй том краткий очерк о Севериновке и фотографии сегодняшней Севериновки – тех мест, где носился на кобыле Коханочке Володя Патрикеев, он же Александр Козачинский. Автор «Зеленого фургона».

Михаил Пойзнер завершает свою статью словами:

«Для кого-то Одесса начиналась с «Зеленого фургона».

Для кого-то Одесса начинается с «Зеленого фургона».

Для кого-то Одесса продолжается с «Зеленым фургоном».

А Козачинский принадлежит всем...»

